

За окном всё серебрилось от снега и сияло так ярко, будто снаружи развесили десятки хрустальных фонарей. За одну ночь снег полностью покрыл землю. Даже вечнозелёные сосновые ветви были украшены прозрачной ледяной коркой. Лу Шэн сел на постели и несколько мгновений не понимал, где находится. Ткань постельного белья была гладкой, словно вода, мягкой и тёплой. На тёмно-коричневом покрывале был выткан благопожелательный узор с иероглифом «счастье». Плотные пологи хорошо удерживали тепло. Снаружи едва чувствовался аромат агарового дерева. Широкая кровать из красного дерева была прочной и дорогой. Под резным узором из переплетённых ветвей у изголовья блестели гладкие вставки из голубого нефрита. Роскошь сочеталась с удивительной сдержанностью.

Едва Лу Шэн успел сесть, как в комнату вошли несколько служанок. Впереди шла Жося. На ней была синяя юбка и стёганая куртка цвета корня лотоса. Наряд подчёркивал спокойную красоту девушки. Она подняла и закрепила пологи.

— Молодой господин Лу проснулся. Ночью выпал сильный снег. Оденьтесь теплее, чтобы снова не простудиться.

Лу Шэн растерянно спросил:

— Я... в доме Се Жуна?

— Именно. Вчера господин принёс вас сюда на руках. Вы были весь в крови, мы страшно перепугались.

Лу Шэн криво улыбнулся.

— Побеспокоил вас.

Жося ответила, что это пустяки. Вместе с другими служанками помогла ему умыться и принесла чистую одежду. Лу Шэн посмотрел внимательнее. Это были его собственные вещи, которые он обычно носил дома. Только теперь он понял: вчера Се Жун отправил людей в дом Лу и велел сказать, будто Лу Шэн вместе с ним выпил слишком много, напился до беспамятства и остался ночевать. Под этим предлогом слуги забрали сменную одежду. Лу Шэн с облегчением выдохнул. Если бы старший брат и невестка узнали, что вчера он получил тяжёлую рану, в доме снова начался бы настоящий переполох. Он взял одежду у служанок и сам ушёл переодеваться за ширму. Заодно приподнял нижнюю рубаху и осмотрел плечо. Вчера длинный меч пробил его насквозь. Сегодня остался лишь бледно-красный след.

Ещё три-пять дней — и, вероятно, исчезнет вообще. Лу Шэн тихо вздохнул. До встречи с Се Жуном он был абсолютно уверен в собственных представлениях о мире. Разговоры о духах, чудовищах и сверхъестественном вызывали лишь улыбку. Всего два дня — и всё перевернулось. Он действительно не знал, что теперь думать. В памяти всплыло продолжение вчерашнего вечера. После того как Хуэйе пронзил старшего брата половиной Сюаньху, он выдернул обломок из тела и тут же развернул его к собственной груди. На этот раз Лу Шэн успел. Он крепко схватил Хуэйе за запястье. Сам Лу Шэн всё-таки был молод. Столкнувшись с подобным,

он окончательно растерялся и не понимал, что говорить. Хуэйе держал острый обломок так сильно, что обе ладони были залиты кровью.

Клинок прорезал почти до костей. Ещё немного — и клинок мог отрезать пальцы. Лу Шэн не решался просто вырвать оружие.

— Наставник Хуэйе... почтенный... зачем?..

Хуэйе улыбнулся:

— Убийца должен заплатить жизнью. Гунцао, когда будете докладывать двору, просто скажите, что эти обезглавливания совершили этот бедный монах и его старший брат. Преступники... покончили с собой из страха перед наказанием.

Лу Шэн взревел:

— У каждого долга свой должник! Людей убивал Яое! При чём здесь вы?!

Он резко повернул голову:

— Се Жун! Сколько ещё будешь стоять и смотреть?!

Се Жун нахмурился. Про себя он совершенно искренне подумал: «А какое это имеет отношение ко мне?» Но тут увидел молодого гунцао. Глаза покраснели. По лицу уже текли две горячие дорожки слёз. Се Жун почувствовал раздражение и беспомощность.

— ...Ладно. Считай, сегодня сделаю доброе дело. Схвати его точки Янси и Нэйгуань на запястьях. Потом отбрось сломанный меч ко мне.

Точка Янси находилась у запястья. Нэйгуань — примерно в двух пальцах выше внутренней стороны. Если одновременно зажать их, кисть теряла силу. Лу Шэна вдруг осенило. Ему стало даже стыдно. Он настолько растерялся, что забыл собственные приёмы задержания. Руки двинулись мгновенно. Он крепко прижал нужные точки на обоих запястьях Хуэйе. В юности тот действительно обучался в секте Цзинье. Но двадцать четыре года читал сутры и поклонялся Будде, давно позабыв способы убийства и боя. Лу Шэн легко обездвигил его. Пальцы ослабли. Половина меча с глухим звуком упала на землю. Лу Шэн ногой отправил обломок в сторону Се Жуна. Хуэйе жалобно вскрикнул. Не сопротивляясь хватке, он словно сломанное дерево опустился на колени.

— Старший брат совершил столько убийств из-за меня. Если я не искуплю его преступлений своей жизнью, как смею продолжать жить?

Лу Шэн не нашёл слов. Подумав, смог только сказать:

— Яое постоянно твердил, что исполняет обеты Будды... Но если искать виновного, то виноваты ложные учения Цзинье, которые затуманили ему разум.

Он продолжил:

— Наставнику Хуэе удалось бежать из этого логова. Яое не повезло — он остался внутри. Истинный источник беды — Цзинье. Не вы.

Се Жун внезапно холодно рассмеялся.

— Почему же не он?

Лу Шэн нахмурился. Се Жун спокойно продолжил:

— Этот монах не очистил шесть чувств. Сначала цеплялся за мирскую родственную привязанность. Затем самовольно убил подозреваемого и вмешался в расследование гвардии Юйлин. А теперь решил одним движением умереть и всё с себя стряхнуть.

Уголок губ поднялся.

— Где в мире бывает настолько удобная сделка?

Лу Шэн всё ещё хмурился. А Хуэе застыл. Несколько мгновений спустя среди отчаяния на его лице постепенно появилась улыбка. Слово́но снег и лёд начали таять. Будто человек проснулся от тяжёлого сна. Он глубоко выдохнул.

— Слова господина Се драгоценны, как золото и нефрит. Будто чистый нектар пролился на голову. Этот бедный монах... стыдится.

Се Жун продолжил:

— Под началом Татхагаты Лазуритового Сияния когда-то были два брата — Цзинцзан и Цзиньянь. Они почитали Будду и следовали его обетам. Всю жизнь занимались одним делом.

На лице Хуэе скорбь понемногу отступала, словно расходились облака. В отражении пламени глаза засветились. Он тихо произнёс:

— Братья Цзинцзан и Цзиньянь приносили лекарства со снежных гор и лечили болезни живых существ. Благодаря этим заслугам они стали Бодхисаттвой Высшего Лекарства и Бодхисаттвой

Царём Лекарств, достигли бодхи, а в будущей жизни станут буддами — Татхагатой Цзинцзан и Татхагатой Цзинъянь...

На этот раз даже Лу Шэн понял смысл. Он отпустил руки Хуэйе и потёр покрасневшие глаза. Дым от пожара иссушил их, слёзы текли сами собой.

— Насчёт «убивать живое ради защиты живого» я не уверен. Но лечить больных и давать лекарства — это точно защита жизни.

Он говорил всё тише:

— Я сегодня впервые встретил наставника Хуэйе, но давно слышал, что вы знаете медицину и часто бесплатно лечите бедных. Если вы умрёте, страдать будут... люди...

Он продолжал что-то бормотать. Веки становились всё тяжелее. Раньше потерял слишком много крови. Потом ещё сражался. Держался из последних сил. Теперь организм наконец не выдержал. Тело качнулось. Лу Шэн успел подумать, что выбрал совершенно неподходящий момент для обморока. И всё же упал. Сознание исчезло. А теперь, когда снова открыл глаза, уже прошла целая ночь. Мыслей было много, поэтому он быстро оделся. Только закончив, заметил, что меча нет. Лу Шэн вышел из-за ширмы. Не успел спросить, как Жося улыбнулась:

— Хозяин приглашает молодого господина Лу позавтракать вместе.

Лу Шэн кивнул.

— От такого приглашения отказываться невежливо. К тому же я как раз хотел кое-что спросить.

Се Жун сидел на кушетке в восточной гостиной главного здания. Молчал. Одной рукой подпирал висок. Слуги и служанки передвигались почти бесшумно, боясь помешать. Тишину разрушил только Лу Шэн. Он ворвался быстрым шагом и громко заявил:

— Се Жун! Сюаньху — орудие убийства. Отдай мне его, я должен закрыть дело!

Жоде, стоявшая рядом, перепугалась. Подбежала и чуть не зажала Лу Шэну рот ладонью.

— Молодой господин Лу, тише! Хозяин всю ночь не спал. Он сейчас не переносит шума.

Лу Шэн мгновенно замолчал. Се Жун медленно выпрямился. Длинные волосы были небрежно собраны за спиной. По лицу усталость почти не читалась. Длинная одежда цвета слоновой кости мягко спадала с края тёмно-красной деревянной кушетки, словно сложенные облака. Хотя время года совсем не подходило, Лу Шэн почему-то увидел в нём ленивую красоту

человека, только что проснувшегося весенним утром. Он тут же мысленно одёрнул себя. Если этот странный молодой господин узнает, что о нём думают подобным образом, пощады не будет. Лу Шэн сразу стал двигаться осторожнее. Тихо сел ниже хозяина и даже голос понизил.

— Се Жун. Сюаньху — вещественное доказательство. Позволь мне отнести его в Управление Цинмин, чтобы закончить дело. Ты отдыхай. После закрытия расследования я попробую получить меч обратно для тебя. Хорошо?

При первой встрече он каждую фразу начинал с «господин Се». После одной ночи уже просто «Се Жун». Сам Лу Шэн никаких изменений не заметил. Се Жун поднял глаза и косо посмотрел на него. Молодой гунцао действительно ничего не понимал. Только с тревогой следил за Се Жуном, словно тот был больным, которого надо беречь. Настоящее живое сокровище. Се Жун взял у служанки в фиолетовом маленькую чашу из белого нефрита, сделал глоток тёплого сливового вина и сказал:

— В Сюаньху поселился злой дух. Сейчас меч оставлен в монастыре Синшань для очищения и успокоения накопленной ненависти. Хочешь забрать — иди к Хуэйе сам.

Лу Шэн замер. Потом вздохнул.

— Тогда ещё один вопрос... Яое всё время говорил об убийстве как о спасении. Его действительно околдовала какая-то нечисть?

Се Жун опустил глаза.

— Да. И нет.

Лу Шэн запутался ещё сильнее. Но Се Жун объяснять не стал. Они спокойно позавтракали. Когда посуду унесли и подали ароматный чай, в комнату вошёл симпатичный молодой слуга с подносом. Только тогда Се Жун заговорил:

— В мире нет ничего страшнее человеческого сердца.

— Если человек хранит принципы и выбирает добро, никакая нечисть не сможет его легко поколебать.

— Если же в сердце уже есть зло, он всегда найдёт бесконечное количество оправданий преступлению.

Он лениво продолжил:

— Поэтому Сюаньху, в котором поселилось нечто злое, в руках Яое превратился в «высшее

учение Будды Медицины». Попади он к какому-нибудь даосу, тот наверняка изобрёл бы путь меча убийства и рассказывал об «утверждении Дао через убийство».

Се Жун посмотрел на Лу Шэна.

— Попади в твои руки — вероятно, стал бы оправданием для уничтожения нечисти и демонстрации силы.

Он пожал плечом.

— В конечном счёте это всего лишь повод.

Лу Шэн постепенно кивнул.

— Значит... не существует какого-то всемогущего демонического меча. Человек убивает потому, что сам хочет убить.

Потом вдруг осознал последнюю часть и рассмеялся:

— Се Жун, не шути. Если я и проявляю силу против зла, то чтобы арестовать преступника, передать суду и наказать по закону. Я не стану легко отнимать чужую жизнь.

Он с достоинством добавил:

— Благородный муж не становится рабом вещи. Я гвардеец Юйлин. Разве какой-то предмет способен мной управлять?

Се Жун улыбнулся. Слегка поднял руку. Слуга снял шёлковое покрывало с подноса. Под ним лежал меч в чёрных с золотом ножнах из рыбьей кожи.

— Твой меч сильно пострадал. Я перековал его.

Лу Шэн удивлённо поднялся и поспешно принял оружие. Сюаньху был тяжёлым и острым. Вчера после нескольких столкновений обычный клинок Лу Шэна покрылся зазубринами, край местами загнулся. Теперь меч выглядел совершенно новым. Серебряный свет плыл по стали, словно весенняя вода. От лезвия веяло холодом. Лу Шэн не удержался:

— Отличный меч!

Он сделал пробный взмах. Глаза загорелись.

— И вес идеальный.

Тут же посмотрел на Се Жуна.

— Ты не спал всю ночь... Неужели из-за перековки меча?

Лу Шэн вдруг почувствовал неловкость.

— Это слишком. Я не заслужил.

Он действительно встал и торжественно поклонился. Се Жун сидел на месте и принял поклон, будто именно так всё и должно быть. На губах играла непонятная улыбка.

— Меч — ритуальный предмет. Наверху он следует воле Неба, внизу поддерживает порядок и правила. Пользуйся достойно.

Лу Шэн почувствовал, что в этих словах скрыт глубокий смысл. Он перебрал в уме разные варианты — и ничего не понял. Тогда решил больше не ломать голову. Повесил меч на пояс, попрощался и поспешил на службу. Едва вышел из усадьбы Се, как у моста Лома встретил Цзи Чуна. Юноша внимательно осмотрел его с головы до ног. Только потом облегчённо выдохнул.

— Хорошо, что старший брат Лу цел. Иначе ваши брат и невестка съели бы меня живьём.

Лу Шэн рассмеялся и хлопнул его по затылку.

— Пустяковая рана. Только брату и невестке ни слова.

Затем спросил:

— Вчера всё было срочно. Хорошо, что Се Жун успел сообщить вам. Что с Яое?

Цзи Чун потёр затылок и с неловкой улыбкой рассказал о последствиях.

Ночью Двенадцатый лагерь Юйлин забрал тело Яое. Из монастыря Синшань временно взяли оружие. Хотя половина клинка была разрушена, Бянь Цин не зря считался лучшим коронером. Он сумел восстановить форму лезвия и подтвердил: раны на трупах совпадают с ним. После этого Цзи Чун вздохнул:

— А образ Будды на Шилипо исчез бесследно. Неужели и правда нечисть творила чудеса?..

Лу Шэн закрыл глаза. Лицо стало серьёзным.

— Чудовищем было не сверхъестественное существо.

Он открыл глаза.

— Чудовищем было человеческое сердце.

Прозвучало чрезвычайно глубокомысленно. Цзи Чун окончательно запутался. Они разговаривали и шли из переулка Чжуцзе. Вдруг Цзи Чун понизил голос:

— Старший брат Лу. Смотрите.

Лу Шэн проследил за его взглядом. По переулку двигалась роскошная серебристая карета. Она остановилась прямо у ворот усадьбы Се Жуна. На фонаре из глазурованного стекла, висевшем снаружи, был отчётливо написан один иероглиф:

«Пэн».

Брови Лу Шэна сразу сошлись.

<http://bllate.org/book/22499/2375500>